

УДК 94(476)+(438)

С.В. Струнец**ОСВЕЩЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ПРОБЛЕМАТИКИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ БССР В 1939–1941 гг.**

В статье исследованы существующие в современной польской историографии подходы к изучению межнациональных отношений на территории западных областей БССР в 1939–1941 гг. На основе анализа ряда исторических работ сделан вывод о том, что в польской историографии оформились две точки зрения, по-разному трактующие содержание данной проблемы. Для представителей «традиционного» подхода характерно акцентирование репрессивной роли советской национальной политики и временного участия поляков, ставших национальным меньшинством, в советизации региона на фоне обострения взаимоотношений между различными этническими группами. Оппоненты такого понимания данных явлений фокусируют внимание на том, что в «традиционном» подходе доминирует субъективное травматическое видение ситуации сквозь призму наиболее пострадавшей от советской власти части польского населения.

Введение

Особое место события 1939–1941 гг. на территории западных областей БССР занимают в польской исторической науке. В начале 90-х гг. XX в. проблема получила официальное признание новых польских властей. В это время велась целенаправленная работа по сбору документов как в архивах Польши, так и за рубежом. Характер исследований долгое время определяли антисоветские настроения значительной части польского общества, а также фактологический материал и методические приемы, накопленные в рамках польской эмигрантской исторической школы, основанной на принципе безусловной лояльности ко II Речи Посполитой (далее – II РП) и замалчивании проблем национальных меньшинств межвоенной Польши. Эмоциональный всплеск в значительной мере объяснялся тем, что в социалистической Польше исследование событий периода 1939–1941 гг. на территории бывших восточных воеводств II РП почти не велось. Исключением был полулегальный сбор воспоминаний очевидцев отдельными историками. Последовавший крах социалистической системы в Восточной Европе вызвал повышение интереса к событиям сентября 1939 г. Целью статьи является анализ основных подходов, оформившихся в современной польской историографии, к вопросу освещения межнациональных отношений в 1939–1941 гг. на территории западных областей БССР.

Продолжительное время в современной польской историографии событий 1939–1941 гг. доминировал отрицательный образ национальных меньшинств II РП как активных пособников советской власти, стремившейся всеми способами уничтожить все польское в регионе. Полной противоположностью этому был образ поляка-патриота, переживавшего трагедию государства и свою собственную, ставшего первой жертвой советского репрессивного аппарата [1, s. 118]. Общая тональность польских исследований де-факто представляла «черно-белый» срез ситуации, где поляки выступали жертвами агрессии со стороны белорусов и евреев, а события осени–зимы 1939/40 гг. пропускались сквозь призму видения наиболее пострадавшей от советской власти части польского населения и экстраполировались на весь период 1939–1941 гг. При этом итоговые выводы зачастую имели достаточно сдержанное звучание и избегали негативных обобщений и обвинений в адрес всех белорусов или евреев.

Научный руководитель – М.Э. Чесновский, доктор исторических наук, профессор, ректор Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Иные оценки действий национальных меньшинств в рассматриваемый период были выработаны в рамках польско-еврейского дискурса. Еще в 1-й половине 1990-х гг. израильские историки Б.-Ц. Пинчук и Д. Левин обратили внимание на многовариантность поведения еврейского населения во взаимоотношениях с советской властью, которое далеко не сводилось к сотрудничеству. В основу их книг положена огромная масса воспоминаний евреев – очевидцев событий. В этих работах артикулируются тезисы неоправданно враждебного отношения поляков к евреям как пособникам советской власти и страданий еврейского населения региона от действий советской власти если не в большей, то никак не в меньшей степени, чем польского [2; 3]. Впоследствии данная интерпретация получила развитие в книгах американского исследователя польского происхождения Я.Т. Гросса [4, s. 61–92]. Отправной точкой нового этапа развития зарубежной историографии исследуемой проблематики стала публикация очередной его книги «Соседи. История геноцида еврейского местечка» о массовом добровольном участии поляков в уничтожении еврейского населения на территории Белостокской области в начальный период Великой Отечественной войны [5]. Данный вопрос автор тесно увязал с польско-еврейскими отношениями в 1939–1941 гг. при советской власти. Фактически к полякам в ракурсе событий лета 1941 г. и начала немецкой оккупации уже на основе еврейских воспоминаний был применен принцип, к которому часто де-факто прибегали некоторые польские исследователи относительно национальных меньшинств II РП при характеристике событий сентября 1939 г.: коллективная ответственность представителей всех национальных меньшинств за все происшедшее в этот переломный момент. Фактически польское общество оказалось в своеобразной ловушке: с одной стороны, укоренившиеся в сознании обвинения в адрес национальных меньшинств за тотальное сотрудничество с советскими «оккупантами», с другой – факт участия поляков в самом кровавом в истории человечества преступлении – холокосте – совместно с немцами как мсть за «преступления» евреев в советский период.

Часть польского общества, как и часть польских историков, восприняла это исследование как провокационное. Чистота героического нарратива, представлявшего поляков одновременно «героями» и «жертвами», своеобразными идеальными участниками войны, была поставлена под сомнение [6, s. 54]. По мнению некоторых авторов, в результате развернувшейся острой полемики выделилось несколько «теоретических» направлений, среди них «(этно) национальная школа» и «новая критическая школа» [7, s. 81, 85]. В первой по-прежнему доминируют вопросы мартирологии и жертвенности поляков относительно других национальных групп. Польско-еврейские отношения в межвоенный период в рамках данного подхода рассматриваются как относительно нормальные. Антисемитизм части польского сообщества не отрицается, в том числе в таких радикальных формах, как погромы. Но при этом артикулируется взаимная жестокость как характерный признак того времени. Более того, даже с учетом специфики польской внутренней политики 2-й половины 1930-х гг. якобы антисемитизм никогда не был государственной идеологией в Польше, а евреи во II РП имели несравнимо больше возможностей для развития относительно сородичей в нацистской Германии и в СССР. В итоге евреям удалось создать среди всех польских национальных меньшинств самый богатый по содержанию культурный и политический сегмент жизни. Представители этого направления ввязывают события 1939–1941 гг. и в контекст послевоенного развития Польши, а именно участия евреев в послевоенной советизации Польши. Выстраивается хронологическая обусловленность участия поляков в погромах летом 1941 г., в значительной мере снимающая претензии к ним. Это участие представляется маргинальным событием: несколько человек, которых заставили немцы. Вспыхнула якобы сиюминутная ответная реакция на террор против поляков во время советской оккупации. При этом параллельно гипертрофируется помощь этнических поляков прятавшимся от нацистов евреям. Проблема

низкого социального одобрения внутри местных сообществ спасательной миссии поляков, что составляет малоизученный аспект межнациональных отношений, не стала составной частью этого нарратива. В этой интерпретации вина евреев превышает вину поляков за лето 1941 г., т.к. евреи были виновны и в 1939-м, и в 1945-м годах, и позднее [7, s. 86–100]. Так, один из пионеров исследований событий 1939–1941 гг. на территории восточных земель межвоенной Польши Т. Стшембош не отрицает участия поляков в погромах, однако подчеркивает, что коллаборационизм евреев с советами в 1939 г. был несравнимо масштабнее, чем участие поляков в еврейских погромах летом 1941 г. В книге о польском подполье в районе Едвабно он уже не повторил тезиса о маргинальной роли поляков в погроме. Наоборот, привел факты о центральной роли членов польского антисоветского подполья в погромах (правда, эту проблему осветил косвенно; гораздо обширнее описана роль евреев в создании милиции и просоветских органов власти) [6, s. 56, 57].

Другой польский историк М. Вежбицкий, автор монографий о польско-белорусских и польско-еврейских отношениях в 1939–1941 гг. на территории западных областей Беларуси, признает определенную односторонность утверждений авторов некоторых польских реляций и воспоминаний, однако считает их вполне достоверным источником. Он также соглашается, что поляки и евреи по-разному воспринимали происходившие в этот период события. В то же время подчеркивает, что этносоциальное обострение осени 1939 г. сильно повлияло на польскую память и отразилось в польско-еврейских отношениях во время советской оккупации. Сравнимым с этим чувством были только депортации польских граждан в 1940–1941 гг. Тогда одновременно с падением роли поляков происходил социальный рост еврейского населения, по крайней мере, его части. Память об этих событиях осложнила отношения вплоть до конца советской оккупации и даже после начала советско-немецкой войны [8, s. 133–145]. Несмотря на то, что число евреев, принявших непосредственное участие в уничтожении поляков, было очень небольшим, не достигало процента еврейского населения в том или ином населенном пункте, доля пассивно сочувствующих евреев уже была значительно большей, особенно в начальный период. Просоветские настроения, нелояльность к Польше в тот период поляки замечали чаще, чем доброжелательность и патриотизм. Они выхватывали из событий самые негативные эпизоды, которые больше всего бросались в глаза и запоминались. Исследователь объективно отмечает, что случаи негативного отношения к Польше были тогда достаточно частыми. В этих условиях довоенный антисемитизм поляков, присущий до этого определенным кругам, например эндецким, необычайно окреп и распространился практически на все слои поляков, проживающих на территории, оккупированной советами (и не только). Евреи ассоциировались с советской системой, а ненависть к советам стала отождествляться с ненавистью к евреям. В результате под влиянием советской оккупации 1939–1941 гг. одним из элементов проявления патриотизма многих кресовых поляков в определенной степени стал антисемитизм, понимаемый как борьба с советами за независимость Польши, которую, в представлении большинства поляков, предали евреи [9, s. 104, 198, 227]. Характеризуя белорусов, исследователь отмечает их особую активность в просоветских акциях в сельской местности, частично в городах осенью 1939 г. Такое поведение определенно генерализовало среди поляков негативную оценку позиции белорусов. При этом исследователь называет определяющей причиной ухудшения отношений двух национальных групп старые социальные противоречия, заложенные в довоенный период, но не умаляет и новые, возникшие с установлением советской власти [10, s. 377].

С данными выводами солидарен один из старейших польских исследователей этого периода М. Гнатовский. Он признает, что ни евреи, ни белорусы ничего не определяли в действиях советской власти, однако участие некоторой, достаточно значительной их части в реализации советской политики, прежде всего репрессивной, самым существен-

ным образом повлияло на отношения с поляками. Историк признает определенную деградацию национальных настроений части польского населения. Вину за это автор возлагает на советскую власть, при которой «навязываемый коммунизм, как коррозия, привнося враждебность и ненависть, уничтожал здоровую ткань общественной жизни и бил в традиционные принципы морали. Это в итоге привело к ситуации войны всех против всех» [11, s. 201].

Во многом схожие оценки дает и Д. Бочковский. Он воспроизводит ставший традиционным для польской историографии тезис о «колониальном» характере советской власти в Белостокской области, где до конца 1940 г. поляки, как автохтонное население, были фактически сведены до уровня париев. Далее исследователь транслирует некоторые элементы «этнонационального» подхода, подчеркивая, что поляки не пошли на сотрудничество с советами. Их численность в различных советских органах и организациях пропорционально была меньше, чем представительство других национальностей; более того, польские выдвиженцы занимали малозначительные должности, но, равно как и все остальные, ничего не решали в советской системе. Бочковский подчеркивает, что период 1939–1941 гг. был одинаково трагичен для представителей всех национальностей. Он акцентирует в данном вопросе не проблему «вины» одних национальностей перед другими, а проблему «общей трагедии», например, отмечает факт уничтожения немногочисленной белорусской национальной интеллигенции. Практически от имени белорусов руководили направленные с востока чиновники. Значит, на фоне формально привилегированного статуса положение белорусов было едва ли не хуже, чем поляков. Итогом советского периода стали погромы евреев жителями польских местечек, которые сильно напоминали не размерами, а по смыслу то, что происходило с молчаливого согласия «освободителей» в отношении польских осадников со стороны белорусских крестьян осенью 1939 г. Белорусы при молчаливом согласии немцев так же были «наказаны» за свое поведение в период советской оккупации возвратившимися поляками [12, s. 74–84].

Оппоненты «этнонационального» подхода признают, что межвоенный период в отношениях между проживающими здесь народами сыграл весьма существенную роль. Например, ломжинский регион заметно отличался от других территорий, впоследствии оказавшихся в составе СССР. Были специфическими социальные настроения и политические взгляды местного польского населения. Здесь в сложных внутривнутриполитических условиях развития Польши, начиная с 1933 г., стали своеобразной нормой жизни антиеврейские эксцессы – от экономического бойкота до погромов [13, s. 65–73]. На ломжинщине отмечался существенный численный рост поляков с отрицательными установками в отношении национальных меньшинств. Тут сложилось не маргинальное сообщество националистов, его составляло, возможно, большинство поляков. Подтверждается тот факт, что накануне войны среди значительной части местного польского населения уже был выработан ряд шовинистических стереотипов и накоплен опыт активных действий по их реализации.

Сложно и противоречиво развивались в этот период и польско-белорусские отношения. Как отмечает Е. Миронович, судя по воспоминаниям белорусов, их оппозиционность к Польше базировалась не на стремлении создать независимое государство, а на оппозиционности государству, созданному поляками для поляков. Госаппарат II РП определил за белорусов их политические пристрастия, а также отношение к польскому государству, добавив к этому образу официально-политические оценки этой группы. Власть определила свою позицию к белорусам как чуждому элементу, отвергая какое-либо сотрудничество. Уровень контроля над этой группой, не только над активом, но и над крестьянской массой, говорит о том, что власти относились к ней с большим недоверием, рассматривая этих подопечных граждан исключительно как угрозу государству. Среди польского населения северо-восточных земель II РП бытовало мнение, что обо

всех высказываниях белорусов в отношении государства, правительства и по прочим социально-политическим вопросам необходимо информировать полицию [1, s. 117].

Для представителей «новой критической школы» характерен пересмотр причин и следствий ряда явлений, происходивших в 1939–1941 гг. в западных областях БССР. Так, польский исследователь К. Ясевич отмечает, что необходимо иное описание событий этого периода. Нужен отход от его травматического и мартирологического измерения в пользу интерпретации с точки зрения т.н. «черной дыры». Ее суть в том, что на основе используемых сегодня источников достоверно и полно реконструировать происходившее практически невозможно, а любая интерпретация событий требует огромной осторожности. Автор отмечает, что польский нарратив данной проблематики был выстроен на нескольких тысячах оставленных депортированными бывшими польскими гражданами свидетельств, пронизанных мессианством, ксенофобией, чувством превосходства. Но одновременно на «кресах» оставалось около 5 млн поляков, которых никто не выводил и не арестовывал и из которых лишь несколько тысяч оставили какие-то воспоминания. Еще одной особенностью названо то, что развернутые воспоминания о событиях в преимущественно сельском, малообразованном регионе оставили выходцы из образованной среды, которых здесь было сравнительно мало. Кроме того, впервые в практике исследований этого периода К. Ясевич предпринял попытку количественного анализа польских свидетельств [14, s. 51–150]. Основываясь на штатах ряда советских органов в начале 1940 г., он приблизительно очертил число представителей местного населения, которые потенциально активно участвовали в событиях переходного периода на стороне советской власти. По его оценкам, на рассматриваемой территории такой актив насчитывал от 4 до 7 тыс. человек. Принимая для расчетов максимальные данные польских очевидцев, исследователь предположил, что среди активных сторонников было от 2 до 3,5 тыс. евреев. [14, s. 162–164].

По мнению историка, в 1939 г. евреи выставили счет полякам, а также их государству. У них были на это причины. Позиция евреев, что не замечается другими польскими исследователями, не имеет ничего общего с падением или сохранением польского государства. Для народа, проживавшего в диаспоре, без собственного государства, все это не имело особого значения. Более того, для них война – всегда беспорядки и погромы, этого надо было избегать и договариваться с любой властью, чтобы позволяла жить. То же равнодушие к Польше присутствовало и ранее, когда у поляков было все даже очень хорошо, когда II РП была независимой и даже европейской сверхдержавой [14, s. 209–212]. В то же время исследователь не отрицает влияния советской политики 1939–1941 гг. на динамику польско-еврейских отношений. При этом отмечает необходимость новой методологии и нового определения антисемитизма, которое должно стать более четким и не блокировать исследований, содержащих критические замечания в отношении евреев [15, s. 105–113].

Другой польский историк А. Жбиковский также отмечает бесперспективность подхода к рассматриваемым событиям с точки зрения «предательства» нацменьшинств межвоенной Польши. По его мнению, интерес представляет следующее: что изменилось в жизни кресового еврейского сообщества, как на изменения отреагировали отдельные его сегменты и что это дало для последующих отношений с другими этническими группами [16, s. 20].

Исследователь также много внимания уделяет еврейскому видению этого периода, которое далеко не было единообразным. Он отмечает, что в еврейском дискурсе доминируют воспоминания беженцев из этнической Польши, которые, несмотря на общую судьбу с кресовыми евреями, не представляли единого целого. При этом они были в своем большинстве более полонизированы, моложе, лучше образованы. Среди них было много довоенных политических активистов, в основном среднего и низшего уровня. В их

свидетельствах большое внимание уделяется тому напряжению, которое повлекла за собой новая система социальных отношений на креслах. В рассуждениях выступают два противоположных направления: «левое» и «буржуазное». Первому присущ акцент на успехи и достижения новой власти и относительное продвижение еврейского населения. Но для бывших капиталистов жизнь в республике советов виделась цепью сплошных преследований. Немногочисленные свидетельства местных евреев, в отличие от воспоминаний беженцев, более скупы на информацию и менее критичны в отношении новых порядков. Однако они подчеркивают, что советская власть достаточно легко внесла хаос в традиционный ритм жизни еврейской общины, где главным идеологом была синагога. Еврейская отличительность, ранее сильно связанная с молитвенным домом, скрылась в частных квартирах, а суббота перестала быть днем отдыха и молитвы. Вероятно, вмешательство в сакральную сферу наиболее оттолкнуло большинство евреев от советов. Депортированные евреи отмечали в основном репрессии и экономический упадок, признавали, что приход советов встретили «радостно». Облегчение, что не попали в руки к немцам, было более чем заметно. Те же, кто прожил в регионе все два предвоенных года, отмечали развитие образования и социальной сферы, определенное экономическое улучшение, в общем, наблюдали малую стабилизацию. Такой позитивный, ностальгический образ прежде всего типичен для книг памяти. Во всем еврейском дискурсе отсутствует один элемент: какой-либо интерес к судьбе нееврейских соседей. В отличие от поляков, свидетельства которых полны информации о поведении евреев в этот период, самих евреев практически не интересовал образ мыслей и переживания поляков, не угадывалась позитивная либо отрицательная нацеленность на какие-либо действия в их отношении [16, s. 233–234].

Заклучение

В последнее десятилетие наблюдается эволюция польской историографии в части критического переосмысления ряда событий и явлений периода 1939–1941 гг. Они все меньше рассматриваются как составная часть Второй мировой войны и чаще анализируются как самостоятельная тематика в рамках истории довоенного и послевоенного периода Польши. В более широком измерении дебаты ведутся о роли непольских национальных групп в истории польского народа, об устойчивости национального польского исторического мифа.

Польские историки используют примерно один круг источников, но зачастую делают различные выводы. Это относится к определению категории «массовость», к вопросу об участии представителей различных национальных групп в органах советской власти либо участии поляков в еврейских погромах летом 1941 г. Согласно «традиционному» подходу, поляков в советских организациях и учреждениях было меньше, чем представителей других национальностей, и, занимая второстепенные посты, поляки в подавляющем большинстве не пошли на сотрудничество с советами. «Критики» считают эту численность достаточно внушительной, чтобы прекратить рассуждать о себе только как о патриотах, а об остальных как о коллаборационистах, невзирая на численные пропорции.

Согласно «традиционной» точке зрения, агрессивное поведение национальных меньшинств осенью 1939 г. представляло реальную угрозу полякам «крессов» и было достаточно массовым. Усиленный тяготами советской оккупации (мероприятиям которой содействовала значительная часть белорусов и евреев), этот опыт зафиксировался в массовом сознании польского населения и стал локомотивом ответной, спровоцированной нацистами мести небольшой части местных поляков в отношении представителей других национальностей, прежде всего евреев, летом 1941 г. Представители данного подхода соглашаются с тем, что многие из сформировавшихся представлений поляков того

времени были в большей степени обусловлены их травматическим восприятием факта ликвидации польской государственности, а не изменившимся статусом и действиями различных национальностей при советской власти. Участие поляков в уничтожении еврейского населения они минимизируют, в некотором плане рационализируют, не оправдывая напрямую.

Представителям «критического» подхода осень 1939 г., равно как и весь период до лета 1941 г., скорее не видится определяющим фактором трансформации межнациональных отношений в регионе. В качестве главной причины обострения межнациональных противоречий выводится не политика советской власти, а традиционные комплексы поляков относительно национальных меньшинств II РП. С их точки зрения, антисемитские стереотипы, благодаря специфике исторического развития Польши, стали частью культурного кода местных поляков. Именно это, а не суровость советской действительности, с которой местные евреи имели мало общего, обусловило жестокость поляков летом 1941 г. К тому же это не была жестокость единиц, отбросов общества. Это стало реакцией достаточно большого числа поляков.

«Соседи» Я.Т. Гросса во многом ограничили изучение проблематики межнациональных отношений рамками центральных и западных районов бывшей Белостокской области и польско-еврейских контактов. Специфичность данного региона на фоне остальной Западной Беларуси того периода достаточно очевидна. Белорусы здесь фактически не проживали. Таким образом, для исследователей представился «удобный» случай еще раз рассмотреть всю остроту польско-еврейских отношений, что называется, в чистом виде. Однако, по мнению представителей разных исследовательских направлений, давно назрела необходимость выработки интегрального подхода к этой проблеме, а именно рассмотрения межнациональных отношений с точки зрения проживавших в Западной Беларуси этнических групп: поляков, белорусов, евреев – в комплексе, а не через бинарное взаимодействие отдельных наций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mironowicz, E. Dekada oczekiwania na zmiany. Białorusini wobec zmieniających się systemów politycznych w latach 1939–1949 / E. Mironowicz // Seria wydawnicza «Współ-niedziedziectwo ziem północno-wschodnich dawnej Rzeczypospolitej» / Naczelna dyrekcja Archiwów Państwowych w Warszawie i [in.]. – Białystok, 2006. – T. 5 : Wyzwolenie czy okupacja? Stosunek społeczności zamieszkujących pogranicze polsko-litewsko-białoruskie do zmieniających się w XX wieku systemów państwowych / red.: M. Kietliński [i in.]. – S. 115–119.
2. Pinchuk, B.-C. Shtetl Jews under Soviet Rule. Eastern Poland on the Eve of the Holocaust / B.-C. Pinchuk. – Oxford : Basil Blackwell, 1990. – 256 s.
3. Levin, D. The Lesser of Two Evils. Eastern European Jewry Under Soviet Rule, 1939–1941 / D. Levin. – Philadelphia-Jerusalem : Jewish Publication Society, 5755/1995. – 346 s.
4. Gross, J.T. Upiorna Dekada. Trzy eseje o stereotypach na temat Żydów, Polaków i komunistów. 1939–1948 / J.T. Gross. – Kraków : Universitas, 1998. – 118 s.
5. Gross, J.T. Sąsiedzi. Historia zagłady żydowskiego miasteczka / J.T. Gross. – Sejny : Pogranicze, 2001. – 163 s.
6. Struve, K. Eastern Experience and Western Memory – 1939–1941 as a Paradigm of European Memory Conflicts / K. Struve // Leipziger Beiträge zur Jüdischen Geschichte und Kultur / Simon – Dubnow – Institut für jüdische Geschichte und Kultur an der Universität Leipzig. – Leipzig, 2007. – Band 5 : Shared History – Divided Memory. Jews and Others in Soviet-Occupied Poland, 1939–1941 / E. Barkan, E.A. Cole, K. Struve (eds.). – S. 43–66.
7. Michlic, J.B. Anti-Polish and Pro-Soviet? 1939–1941 and the Stereotyping of the Jew in Polish Historiography / J.B. Michlic // Leipziger Beiträge zur Jüdischen Geschichte

und Kultur / Simon – Dubnow – Institut für jüdische Geschichte und Kultur an der Universität Leipzig. – Leipzig, 2007. – Band 5 : Shared History – Divided Memory. Jews and Others in Soviet-Occupied Poland, 1939–1941 / E. Barkan, E.A. Cole, K. Struve (eds.). – S. 66–101.

8. Wierzbicki, M. Western Belarus In September 1939 – Polish-Jewish Relations In the kresy / M. Wierzbicki // Leipziger Beiträge zur Jüdischen Geschichte und Kultur / Simon – Dubnow – Institut für jüdische Geschichte und Kultur an der Universität Leipzig. – Leipzig, 2007. – Band 5 : Shared History – Divided Memory. Jews and Others in Soviet-Occupied Poland, 1939–1941 / E. Barkan, E.A. Cole, K. Struve (eds.). – S. 135–146.

9. Wierzbicki, M. Polacy i Żydzi w zaborze sowieckim. Stosunki polsko-żydowskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. 1939–1941 / M. Wierzbicki. – Warszawa : Fronda, 2001. – 360 s.

10. Wierzbicki, M. Polacy i Białorusini w zaborze sowieckim. Stosunki polsko-białoruskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. 1939–1941 / M. Wierzbicki. – Warszawa : Fronda, 2007. – 424 s.

11. Gnatowski, M. Polacy – Sowietci – Żydzi w regionie Łomżyńskim w latach 1939–1941 : w 2 t. / M. Gnatowski. – Łomża : Łomżyńskie towarzystwo naukowe im. Wagrów, 2005. – T. 1. – 248 s.

12. Boćkowski, D. Władza radziecka wobec Polaków, Żydów i Białorusinów na Białostocczyźnie 1939–1941 w świetle dokumentów partyjnych / D. Boćkowski // Polacy – Żydzi – Białorusini – Litwini na północno-wschodnich ziemiach Polski a władza radziecka (1939–1941). W kręgu mitów i stereotypów : praca zbiorowa / Uniwersytet w Białymstoku ; red. nauk. M. Gnatowski [i in.]. – Białystok, 2005. – S. 61–84.

13. Milewski, J.J. Polacy i Żydzi w Jedwabnym i okolicy przed 22 czerwca 1941 / J.J. Milewski // Wokół Jedwabnego : w 2 t. / red.: P. Machcewicz [i in.]. – Warszawa : IPN, 2002. – T. 1. – S. 63–81.

14. Jasiewicz, K. Pierwsi po diable. Elity sowieckie w okupowanej Polsce. 1939–1941 (Białostocczyzna, Nowogródzczyzna, Polesie, Wileńszczyzna) / K. Jasiewicz. – Warszawa : Rytm, 2001. – 1271 s.

15. Jasiewicz, K. Rzeczywistość sowiecka 1939–1941 w świadectwach polskich Żydów / K. Jasiewicz. – Warszawa : Rytm, 2009. – 407 s.

16. Żbikowski, A. U genezy Jedwabnego. Żydzi na Kresach Północno-Wschodnich II Rzeczypospolitej (wrzes. 1939 – lip. 1941) / A. Żbikowski. – Warszawa : ŻIH, 2006. – 416 s.

Strunets S.V. Lighting of Interethnic Relations in BSSR Western Areas in 1939–1941 in the Modern Polish Historiography Perspective

The article analyzes approaches to the study of international relations in the western areas of the Byelorussian SSR in 1939–1941 which exist in modern Polish historiography. On the basis of a number of historical works the author comes to the conclusion that two basic points of view took shape in the Polish historiography. They give different interpretations of the contents of this issue. For members of the «traditional» approach it is typical to emphasize the role of the repressive Soviet nationality policy and the temporary participation of the Poles, who became a minority in the Sovietization of the region on the background of worsening relations between different ethnic groups. Opponents of such an understanding of these phenomena focus on the fact that in «traditional» approach the subjective vision of the traumatic situation through the prism of the most affected by the Soviet government part of the Polish population is dominated.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 04.06.2012